

Трагедия оккупированной Бельгии

Ночью 22 июля (4 августа) 1914 года немецкие войска перешли бельгийскую границу. Бельгия отвергла требование Германии о свободном проходе ее войск через свою территорию, и для успешного военного наступления на Францию Германии необходимо было нарушить бельгийский нейтралитет. Спустя три недели большая часть территории страны, включая Льеж и Брюссель, находилась под контролем немцев. Бельгийская армия отступила к Антверпену, но после короткой осады оборона города пала 27 сентября (10 октября).

Оборона Бельгии не отличалась особенно замечательными военными удачами или подвигами, но сыграла немаловажную роль в деле духовного объединения союзнических держав и нейтральных государств. Германская интервенция знаменовала собой безжалостную и агрессивную расправу сильной в военном отношении нации с маленьким мирным соседом, попрание норм права, международных соглашений и законов морали. Бельгийское сопротивление породило целый ряд локальных катастроф, среди которых уничтожение немцами старинного университетского города Лёвен. Отовсюду поступали сообщения о расправах над мирным населением, разорении городов и деревень. В борьбе за военное превосходство немецкая армия не щадила ни людей, ни культурные памятники. Отказ принять германский ультиматум и сопротивление короля Альберта были расценены бельгийской армией и народом в целом как вдохновенная демонстрация гражданского мужества, любви к родине и свободе.

В России трагические новости из оккупированной Бельгии вызвали бурю чувств, хотя приходили они из далекой страны, близких контактов с которой практически не было. В течение нескольких месяцев бельгийская тема доминировала в литературе, писатели и поэты самых разных школ и направлений так или иначе использовали ее в стихотворениях, рассказах и пьесах, чтобы поддержать антигерманские настроения и оценить бельгийский патриотизм. Первым, кто откликнулся комментарием на бельгийскую трагедию, был символист Фёдор Сологуб. В тот же день, когда русская пресса опубликовала новости о германском вторжении, он написал стихотворение «Бельгиец». Желание продемонстрировать моральную поддержку бельгийскому народу отчасти входит в противоречие с непродуманным выбором лирического героя. Герой поэтического монолога – бельгийский торговец слоновой костью из Конго. Не будучи принципиальным противником колониализма, Сологуб видит своего героя

как типичного представителя мирных бельгийских граждан. В результате налицо непреднамеренный конфликт между родом занятий героя и его возмущенным протестом против германского «презрителя границ». С другой стороны, житель колоний решительно готов защищать свою историческую родину, в этом смысле его образ можно рассматривать как модель более поздних изображений бельгийцев в русской литературе.

Еще один ранний отклик на бельгийскую тему был представлен Валерием Брюсовым в стихотворении «Фламандцам», написанном через несколько дней после падения Льежа. Поэт утешает побежденных мыслью о том, что сила не в оружии, а в патриотизме. Примеры отваги и мужества он черпает в европейской военной истории, что придает стихотворению определенный колорит и вместе с тем отражает склонность Брюсова рассматривать войну сквозь призму истории. Как ни странно, эрудит Брюсов делает в своем стихотворении ошибку, распространяя обозначение «фламандцы» на весь бельгийский народ. На самом деле, фламандцев на тот момент война даже еще не коснулась. Вероятно, Брюсова подвело его преклонение перед Эмилем Верхарном – его имя так же упоминается в стихотворении – этот франкоязычный фламандский писатель был для поэта синонимом всей бельгийской литературы. Незадолго до начала войны Брюсов переводил его поэзию, и новости из Бельгии вновь актуализировали для него имя бельгийского литератора. Сборник военных статей Верхарна *La Belgique sanglante* (1915, вышел в переводе на русский под заголовком «Окровавленная Бельгия» в 1916г.) был воспринят Брюсов в невероятно позитивном духе. В своих собственных статьях Брюсов гораздо более бесстрастен по сравнению со своим бельгийским коллегой, но он определенно разделял многие взгляды Верхарна. Нападение Германии на Бельгию – это «преступление», которое нельзя простить, и отказ бельгийцев от германских мирных инициатив – достойный пример мужества и твердости принципов.

21 октября 1914г. петроградская газета «День» вышла со специальным бельгийским разделом. Среди авторов материалов было три символиста – Дмитрий Мережковский, Александр Блок и Фёдор Сологуб. Статья Мережковского «Убийца лебедей» не имела никакого особого отношения к Бельгии, а вот стихотворение Блока «Антверпен» непосредственно связано с бельгийской трагедией. Актуальные события оживили в памяти Блока впечатления от его посещения Бельгии в 1911г., это заставило его отступить от обыкновения не писать стихов на злобу дня. Уже в первой строфе поэт вспоминает о своей собственной встрече с Антверпеном:

Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубококом,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

Совершенно очевидно основанное на личных впечатлениях Блока, стихотворение «Антверпен» стоит особняком в ряду посвященных Бельгии стихов русских поэтов. Не смотря на установки символистской эстетики, Блок, как и Брюсов, умел живо и определенно изобразить в своих стихах обстановку, место действия. Антверпен становится городом с индивидуальными чертами, поскольку Блок подчеркивает его связь с торговлей и искусством. В результате грусть от размышлений о судьбе города приобретает реальный фон и очертания. Сравнивая реку Эско с Невой, Блок делает Антверпен более узнаваемым для русского читателя. В противовес многим современным ему писателям, Блок доказывает, что сдержанность выражения может произвести на читателя едва ли не более сильное впечатление, чем концентрация ужасов. Война лишь едва напоминает о себе появлением аэроплана, мелькающего в тумане над мирным городом. Подобные детали показывают, насколько неохотно Блок в стихах мог выйти за пределы своих собственных ощущений.

Как выражение сострадания к опустошенной войной стране «Антверпен» Блока с его темой «разрушенной идиллии» тем не менее довольно расплывчато по содержанию. Не питая интереса к теме бельгийского патриотизма, Блок предпочитает перевести все стихотворение преимущественно в личный план. У стихотворения есть несколько эстетических недостатков, преимущественно на метафорическом уровне. Буря как символ войны и гиперболизированная метафора моря крови – довольно истасканные образы, которые даже создают диссонанс с поимпрессионистски сдержанным тоном стихотворения. Блок писал это стихотворение по заказу, и если в иной связи он мог себе позволить говорить о карликовых государствах вроде Бельгии в снисходительном тоне, «Антверпен» - одно из очень немногих стихотворений Блока, напрямую выражающих его отношение к мировой войне.

Борьба Бельгии за свободу стала темой целой международной кампании, кульминацией которой стала публикация в 1915г. «Книги короля Альберта». В том же году вышел ее перевод на русский, который был дополнен русским разделом. В длинном списке известных европейских и американских авторов лишь два русских имени – Александр Куприн и Дмитрий Мережковский. И если Мережковский действительно к тому времени был писателем, снискавшим мировую славу, выбор Куприна представляется довольно спорным. По своему содержанию и настроению статья Мережковского «Бельгийскому народу» не сильно отличалась от подобного рода произведений других авторов «Книги»: достойный восхищения духовный подвиг Бельгии имеет значение для всего мира и вносит свою лепту в дело общей победы.

Вера в грядущее освобождение и возрождение бельгийской нации – магистральные темы литературы, посвященной Бельгии. Примером может служить опубликованное в упомянутом выше бельгийском выпуске газеты «День», в частности, стихотворение Фёдора Сологуба «Утешение Бельгии». Сологуб обыгрывает предсказание французской ясновидящей Де Тэб о том, что русская армия захватит Берлин к весне 1915г., что приведет к окончанию войны. В своем желании заразить читателя надеждой и верой в победу Сологуб даже готов использовать стереотипы массовой культуры. Результат, как видим, довольно груб и смехотворен.

Апокалиптическое толкование событий в Бельгии предлагалось Мережковским и Гиппиус. Для Мережковского Бельгия - это современная Святая земля, невинный народ, пригвожденный к кресту, чтобы пострадать

за всё человечество и принести миру спасение. Символ Голгофы так же появляется в стихотворении Гиппиус «Три креста» (1914). Война – это распятие, грядущий мир – воскресение человеческого духа. Гиппиус заканчивает стихотворение утешительным восклицанием – «И веруем, - да будет!», адресованным и Бельгии, и всему человечеству. Выбор символов Мережковским и Гиппиус не только продиктован их верой в справедливое окончание войны, но и придает интерпретируемым событиям более высокое, религиозное значение: они не случайны, а необходимы не только для духовного возрастания конкретного человека и целых народов, но и для воплощения божественного замысла. Христианская символика страдания и спасения вообще широко используется в «военной литературе», но для символистов ее эксплуатация являлась фундаментальной чертой их творчества, в приложении к Бельгии, Польше, России, и в конечном счете, судьбам всего человечества.